Шукерта и был известен в рабочих кругах под кличкой «монтер от Шукерта».

В собрании уполномоченных завязалась горячая борьба. Эсэры настаивали на том, что на первой стадии выборов они получили больше голосов, чем социал-демократы. Алексинский возражал, что избирательный закон не дает средств проверить это утверждение, но петербургский пролетариат всегда шел за с.-д. партией. Кончился спор тем, что в выборщики были избраны исключительно социал-демократы-большевики.

Это вызвало среди эсэров крайнее раздражение против социал-демократов. На смену притихшей немного межфракционной борьбе пришла межпартийная перепалка не бывалой еще в рабочем Петербурге остроты и резкости.

* * *

В то время, как в рабочей курии разыгрались эти события, в городской курии дела шли у нас настолько успешно, что мы серьезно расчитывали собрать на выборах большинство голосов.

Переговоры с народниками были возложены на Красикова, Теодоровича и меня. На наше заявление о недопустимости для нас соглашения с народными социалистами, трудовики и эсэры ответили, что у них уже заключено общее соглашение с народными социалистами, но последние, исходя из интересов об'единения левых партий и принимая во внимание решение петербургской организации Р.С.-Д.Р.П., готовы освободить своих союзников от всяких обязательств. С такой же предупредительностью народники приняли наши условия относительно распределения мандатов.

Не помню, кто именно вел с нами переговоры со стороны трудовиков. Но помню, что особенную уступчивость обнаруживал один пожилой господин, который на все наши предложения отвечал:

— Для нас это вопрос второстепенный: важен самый факт об'единения левых. Мы согласны на ваши условия.

Так же ответил он на наше требование, чтобы во всех городских районах за социал-демократами было обеспечено большинство выборщиков [1]).

После того, как протокол соглашения был подписан, мы решили поставить перед Петербургским Комитетом вопрос о допущении в «левый блок» народных социалистов. Это представлялось тем более естественным, что народные социалисты, оказавшись за бортом «левого блока», не только не устранились из предвыборной кампании, но с удвоенной энергией ринулись в бой, оставаясь нашими ближайшими союзниками в борьбе против кадетов. Особенно удачно выступал в эти дни Мякотин.

Была созвана вновь конференция — точнее, ее большевистская часть, — и на ней было решено включить в «левый блок» и энэсов, — к большому огорчению Рожкова, который по этому случаю хотел даже выйти из Петербургского Комитета.

Приступили, вместе с народниками, к составлению районных списков. Согласно предварительному условию, мы должны были назвать б о л ь ш е п о л о в и н ы имен, то есть, около 85 человек. Но оказалось, что нам называть некого. Меньшевики в наши списки не шли. Эсдекствующих адвокатов мы побаивались. Из наших лидеров и партийных работников одни были нелегальные, другие состояли под судом и следствием, третьи не имели права жительства в столице, четвертые не достигли требуемых по закону 25 лет.

Между тем, народники (в особенности, н.-с.) предлагали нам в качестве выборщиков людей известных всему

[1]) Не знаю, как согласовать э т у позицию народников с переговорами, которые они только что перед тем вели с кадетами, и в ходе которых они с таким упорством торговались о числе мест. Повидимому, в народническом лагере, как и среди большевиков, перед самыми выборами произошел поворот тактики.

Петербургу. Решили составлять списки по «деловому принципу». И действительно, списки получились у нас хоть куда.

* * *

Когда списки выборщиков «левого блока» были готовы, перед нами встало новое затруднение: сенатское «раз'яснение» лишало нас возможности получить из городской управы штемпелеванные бланки для печатания бюллетеней.

Препятствие было весьма серьезное. Достаточно сказать, что партия Народной Свободы, в значительной степени, ради получения бланков сочла необходимым вступить в соглашение с мирнообновленцами.

Пешехонов частным образом сообщил нам, что он надеется раздобыть бланки: у него есть несколько знакомых священников, прогрессивно и даже радикально настроенных, и он собирается уговорить их «зарегистрироваться» в качестве политической группы и взять в управе бланки. Мы заявили, что этот способ нас не устраивает. Начали искать другого способа, но не могли ничего придумать.

Когда я рассказал Ленину о нашем затруднительном положении, он усмехнулся и сказал:

— Пустяки! Будто трудно управскую печать подделать? Вот Михаила Сергеевича спросите.

«Михаил Сергеевич», заведывавший техникой и паспортным бюро большевистского центра, присутствовал при этом разговоре. Взяв у меня бланк избирательного бюллетеня, он долго рассматривал и щупал бумагу. Затем, принялся изучать оттиск печати. Наконец, сказал:

— Бумага такая точно у меня найдется. Шрифты обыкновенные. А печать медная, резная. Если вы мне ее на два часа достанете, — у нас точно такие будут. Ни один эксперт не отличит.

Ленин подхватил:

— Ну, вот! Добывайте печать.

Я возразил:

— Как бы не вышло неприятностей? Уголовщиной пахнет...

Ленин успокоил меня:

— Это совершенный вздор! Если так рассуждать, придется от всякой конспирации отказаться.

Перешли к выяснению подробностей. «Михаил Сергеевич» об'яснил, что печать ему нужна для того, чтобы снять с нее копию электрическим (или, может быть, гальванопластическим) способом. Подсчитал, что вся операция (бумага, набор, печатание, подделка печати) будет стоить около 1000 рублей.

Ленин предложил:

— Условьтесь с народниками, чтобы расходы пополам. А сумму расходов покажите в 2000 рублей. Это справедливо: их деньги, наш труд.

Я возразил, что это неудобно:

— Михаил Сергеевич скажет нам, сколько стоила вся операция. Половину должны покрыть мы, половину возьмем с народников.

Ленин сказал:

— Ладно, Михаил Сергеевич назовет вам сумму.

На другой день мы раздобыли управскую печать (не помню точно, через кого была произведена эта часть «операции»). В условленное время печать была возвращена по принадлежности, а «Михаил Сергеевич» представил в Н. К. чуть не дюжину металлических печатей, оттиски которых, действительно, невозможно было отличить от оттисков на управских бланках.

На вопрос, зачем нам столько печатей, «Михаил Сергеевич» ответил кратко:

— Так надо.

Самая трудная часть задачи была разрешена. Мы заявили народникам, что бланки будут. Наши союзники, повидимому, подозревали, что мы «добываем» бланки несовсем легальными путями, но тактично воздерживались

от расспросов: это давало им возможность, в случае провала дела, выйти сухими из воды и свалить все на нас.

Но полиция что то пронюхала.

Прошло несколько дней. Утром пришел я на комитетскую явку. Секретарша с мрачным видом сообщила:

— Ночью полиция нагрянула в типографию «Дело». Захватили на машинах бюллетени.

Это было скверно, но не слишком: в печатании бюллетеней не было ничего противозаконного, — уголовщина начиналась лишь со штемпелевания бланков поддельной печатью. Неприятно было только то, что мы оставались без бланков . . .

Но днем я встретил «Михаили Сергеевича». Справился у него относительно ночного провала. Он пожал плечами:

— Получите бланки во время. Будьте спокойны.

— Как? Разве полиция не забрала их?

— Нет. Только помещение опечатали.

— Во время изготовления бюллетеней?

— Мы уже кончали. Теперь все в сохранности.

Я так и не узнал толком, что произошло в типографии: удалось ли «Михаилу Сергеевичу» откупиться; или полиция, по недоразумению, опечатала не все двери помещения, где печатались бланки; или наши, попросту, сняли печати с дверей, проникли в помещение и, унеся оттуда бюллетени, вновь утвердили печати . . . Во всяком случае, когда днем в типографию явились следственные власти, печати на дверях были в полном порядке, а в помещении не было никаких следов, напоминавших о ночной работе . . .

Отпечатанные бланки были отнесены в Технологический институт и здесь проштемпелеваны поддельными печатями. Тут обнаружилось, насколько предусмотрительно поступил «Михаил Сергеевич», изготовив несколько печатей: требовалось прихлопнуть печатью свыше 100 тысяч листов; если бы у нас была одна печать, то это взяло бы, самое меньшее, двое суток непрерывной работы; а теперь, при помощи

добровольцев-технологов, работа была исполнена в один вечер, а к утру кипы готовых бланков были уже развезены по районам и рассованы в надежные места.

Мы торжествовали. А наши союзники по «левому блоку» уверяли, что наши бланки даже лучше управских, и без всяких разговоров уплатили ту сумму, которую мы спросили с них, как их долю в общих расходах. Сумма была небольшая, но я подозреваю, что «Михаил Сергеевич» определил ее с таким расчетом, чтобы малая толика осталась на текущие расходы большевистского центра.

В полицейских кругах появление бланков «левого блока» вызвало большой переполох. Назначили расследование. Выяснили, что городская управа бюллетеней нам не давала, и что от «зарегистрированных» партий получить бланки мы не могли. Назначили экспертизу. Но эксперты единогласно признали наши бланки настоящими. В частности, была признана подлинной наша печать. Загадка осталась не разрешенной.

* * *

Выборы по городской курии Петербурга состоялись 6-го февраля, когда почти повсюду в России первая стадия выборов уже закончилась.

Последние дни перед выборами прошли в спорах, существует или не существует в Петербурге «черносотенная опасность».

Кадеты, борясь против «левого блока», доказывали, что раздробление оппозиционных голосов между двумя списками (либеральным и левым) приведет к тому, что от столицы пройдут в Государственную Думу октябристы. Основной клич их устной и печатной агитации был:

«Кто голосует за «левый блок», проводит в Думу октябристов».

Этот аргумент поддерживался и меньшевиками, которые до последнего момента были глубоко убеждены в наличности в Петербурге черносотенной опасности.

Я лично этого взгляда не разделял и считал его противоречащим всем данным избирательной статистики.

В городах 45-ти губерний было избрано к началу февраля 1061 выборщиков из 1221 (оставалось еще избрать 160 выборщиков от Петербурга). Среди избранных оказалось: 112 правых, 75 октябристов, умеренных и прогрессистов, 375 кадетов и 499 «крайних левых». Это доказывало, что кадеты представляют собой в городской курии не левый фланг, а правый центр. Характерно было далее, что в 12 губерниях ни один город не дал ни одного выборщика правее кадетов. В 20 губерниях число выборщиков правее кадетов колебалось от 1 до 5. Лишь в одной губернии (Вологодской) правые провели половину городских выборщиков, да в Московской губернии прошло среди городских выборщиков 33 человека правых и «умеренных».

Выборы по крестьянской курии свидетельствовали о том, что и в деревне нет «черносотенной опасности»: здесь из 1824 выборщиков оффициальная статистика отметила 354 «правых», 111 «умеренных» и 68 кадетов. В остальных 1289 чел. можно было угадать элементы, родственные первдумской «трудовой группе».

По рабочей курии выборщиками прошли исключительно социал-демократы.

И лишь в землевладельческой курии черная сотня торжествовала победу.

Это позволяло нам не только оспаривать ссылки на черносотенную опасность, но и писать в избирательных плакатах:

«Народ против черной сотни и против кадетов. Кто голосует за них — тот против народа».

Но обыватель уже привык верить в «черносотенную опасность», и никакие цифры не могли разубедить его.

Это определило победу кадетов на выборах 6-го февраля.

Партия Народной Свободы собрала 28.800 голосов, левый блок — 16.700 голосов, октябристы — 16.600, крайние правые — 5.300.

Не знаю, каким способом, но большевистские статистики высчитали, что, еслибы левому блоку удалось отбить у кадетов еще 1573 голоса, то мы провели бы по городской курии 74 выборщика и, имея уже 14 рабочих выборщиков, получили бы в собрании выборщиков большинство в 88 голосов (против 86 голосов, которые в этом гипотетическом случае были бы у кадетов).

Таким образом, результаты выборов доказали, что для левых борьба за депутатские мандаты по Петербургу не была безнадежна: при иных условиях, — еслибы соглашение было заключено с самого начала, еслибы кампания велась более планомерно и не дезорганизовывалась фракционной склокой, еслибы, наконец, не жупел «черносотенной опасности», — мы могли бы победить...

Как бы то ни было, победили не мы, а кадеты. Им предстояло теперь исполнить обещание, данное перед выборами, и уступить одно из 6 мест рабочей курии. Но Алексинскому, как твердокаменному большевику, не улыбалась мысль получить депутатский мандат из рук кадетов, он хотел войти в Таврический дворец без всяких соглашений с «буржуями». И потому, когда на собрании выборщиков кадеты обратились к рабочим с вопросом, кого хотят они провести в Думу от рабочей курии, Алексинский от имени 14 выборщиков ответил:

— Ни в какие соглашения, ни в какие переговоры мы с вами не вступаем.

И он потребовал, чтобы кандидат рабочей курии был намечен записками. Кадеты подали 160 пустых бумажек, с.-д. на 14 бумажках написали имя Алексинского. Таким образом, кандидат был намечен без соглашения. Затем, поставили 6 баллотировочных ящиков. Кадеты во все 6 ящиков клали белые шары, большевики голосовали за

своего кандидата и против 5 остальных. В результате Алексинский собрал 174 голоса, а кадеты по 160 голосов.

Когда голоса были подсчитаны и имена избранников города Петербурга были оглашены, кто то предложил выборщикам и депутатам сняться общей группой. Но Алексинский заявил, что с кадетами, как с врагами народа, сниматься не будет.

Эта демонстрация сразу подняла авторитет нового рабочего депутата на заводах: с этого дня даже рабочие, голосовавшие 7—14 января за социалистов-революционеров, признали Алексинского своим депутатом.

* * *

В статье о ходе выборов в Думу в газете «Зрение»[1]) я так характеризовал обстановку, при которой должна была собраться вторая Государственная Дума:

«Черносотенной опасности нет.

«Кадетская опасность идет на убыль.

«Рабочий класс революционнее всех других классов, и главная масса его идет за Р.С.-Д.Р.П.

«Крестьянство не верит правительству, не верит кадетам и выделяет из своей среды левых, революционных вождей.

«Городская мелкая буржуазия не верит правительству, изверилась в кадетах и склоняется от них влево.

«Крупная землевладельческая знать стоит в рядах черной сотни на защите своих поместий.

«Вот, что читаем мы в каждой строке известий о ходе выборов во вторую Думу. И каждая строка этих известий твердит нам одно:

«Революция развивается, революция идет вперед, и никто не удержит ее на ее пути.

[1]) За время второй избирательной кампании у нас было два легальных органа «Простые Речи» и «Зрение». Оба издания были закрыты на 2-м №.

«Не в конституционной, а в революционной России собирается вторая Дума».

Увы! это был самообман. Действительно, выборы обнаружили переход избирателей от более правых к более левым партиям. Но за этим «полевением» не было революционной активности. А главное, избирательная кампания не вдохнула энергии в население, терроризированное военно-полевыми судами, погромами, карательными экспедициями, не пробудила в нем духа протеста, не сплотила его раздробленных сил.

Напротив того: быть может, к открытию второй Думы силы населения были еще больше распылены, чем до начала предвыборной кампании.

Так обстояло дело, в частности, в Петербурге. Социал-демократическая организация вышла здесь из избирательной кампании почти совершенно разрушенной. Эсэры, несмотря на свою победу в рабочей курии, висели в воздухе. Вражда между обеими партиями в рабочих районах усилилась в небывалой до сих пор степени (несмотря на их кратковременное соглашение в городской курии). Гегемонии кадетов среди городского населения были нанесены левым блоком чувствительные удары. Но на смену партии Народной Свободы не пришла никакая другая партия, которая владела бы сердцами так, как владели ими кадеты при открытии первой Думы.

Население не верило правительству.

Но точно так же оно не верило ни в кадетскую, ни в революционную Думу, не верило ни в конституционные пути, ни в восстание.

Население не верило в себя.

Вторая Дума собиралась в стране, готовой склониться в прах перед торжествующей реакцией.

IV. ВТОРАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА.

20 февраля 1907 года. — «Берегите Думу!». — В рабочих районах. — Первые шаги социал-демократической фракции. — Декларация Столыпина и ответ социал-демократов. — В партийной организации. — На крестьянском с'езде. — Большевики и думская фракция. — Во второй Думе. — С.-д. фракция и вопрос о помощи безработным. — «Группа Рабочего Заговора». — Перед общепартийным с'ездом. — В военной организации. — Наказ в с.-д. фракцию от представителей петербургского гарнизона. — Арест. — Солдатская депутация в с.-д. фракции. — В погоне за наказом. — Допрос и фотография. — Роспуск второй Государственной Думы. — Провокация в деле военной организации. — Исидор Рамишвили.

Выборы во вторую Думу не оправдали расчетов Столыпина. Если администрации удалось, всякими правдами и неправдами, протащить в Думу около сотни крайних правых и октябристов, то еще в большей степени усилились левые партии.

Некоторое время представлялось даже спорным, кто будет «хозяином» в Думе второго созыва, — кадеты, или крайние левые. Но к началу сессии выяснилось, что социалисты, даже при присоединении к ним трудовиков, не могут образовать устойчивое большинство, что центр в новой Думе будет представлен либералами.

Итак, приходилось ожидать, что вторая Дума, как и предшественница ее, будет «кадетской». Но несмотря на это, накануне 20-го февраля в кадетском лагере царило уныние и тревога, а социалисты, — в частности, большевики, — оценивая результаты закончившихся выборов, чувствовали себя победителями.

Заранее характеризуя собирающуюся Думу, как «самый революционный парламент в самой реакционной стране», предугадывая близкие битвы в Таврическом дворце и вокруг него, мы склонны были чем-либо ознаменовать день 20-го февраля.

При обсуждении этого вопроса в Петербургском Комитете, Алексинский произнес горячую агитационную речь:

— Впервые в Думе появляется многочисленная фракция Р.С.-Д.Р.П. Пусть же знает Россия, что за этой фракцией — сила всего пролетариата! Пусть петербургские рабочие встретят открытие Думы, грозно скрестив руки на груди, и этим продемонстрируют свою боевую готовность!

Часть товарищей возражала против этого плана. Я заметил:

— Тов. Петр устраивает сам себе торжественную встречу.

Алексинский обиделся и заявил, что уходит с заседания. Его кое как успокоили. Но от устройства забастовки отказались. Решили ограничиться заводскими митингами и, — где представится возможность, — уличными манифестациями.

Но на некоторых заводах рабочие все таки вынесли постановление: 20-го февраля не работать. Заводская администрация в этом вопросе охотно шла им навстречу: забастовка в честь Государственной Думы не имела в ее глазах революционного характера.

Вокруг Таврического дворца при с'езде депутатов собралась толпа. Освистывали под'езжавших к дворцу в собственных экипажах. Аплодировали и кричали «ура» депутатам-крестьянам. Шумными овациями встретили социал-демократов, которые подошли к Таврическому дворцу все сразу, толпой, с красными значками на груди.

Депутаты обращались к толпе с речами. Но их не было слышно за уличным шумом. Несколько раз пытался говорить Алексинский. Его качали. То здесь, то там затягивали марсельезу, но каждый раз песня обрывалась

в самом начале. Пускали в воздух красные шары, и толпа аплодировала и кричала им вслед «ура».

Полиции было много. Проезжали казаки. Но не стреляли, — ограничивались тем, что «честью просили» разойтись, раз'езжали по тротуарам на лошадях, грозились нагайками и шашками.

Толпа отвечала на угрозы свистками, но уклонялась от столкновения с полицией. В общем и целом, манифестации этого дня были жидкие, жалкие, — воистину, демонстрация бессилия.

* * *

В день открытия Государственной Думы вышел № 1 большевистской газеты «Новый Луч», которая должна была явиться продолжением наших органов перводумского периода («Волна», «Вперед», «Эхо»).

Передовая первого номера кратко характеризовала изменения, происшедшие со времени созыва первой Думы: «поправение верхов, полевение низов, обострение политических крайностей». Из этого следовал вывод:

«За истекший политический год движение поднялось на высшую ступень, идя зигзагообразным путем, но неуклонно вперед и вперед».

А «высшей ступенью», по нашей терминологии, было восстание. Когда мы говорили, что движение «идет вперед и вперед», это выражало нашу уверенность в том, что миновало время стачек и демонстраций, что приближается последняя вооруженная схватка народа с правительством.

Именно в таком виде представлялась нам политическая обстановка при открытии второй Думы. В этом смысле, в начале 1907 г. мы вернулись к настроениям, господствовавшим у нас до осени 1906 г.

Иное настроение царило в эти дни в либеральных и радикальных кругах общества. Здесь все были полны страха за завтрашний день. Наиболее полное выражение эти настроения нашли в лозунге: «Берегите Думу».

Год тому назад подобный лозунг был бы невозможен. Беречь Думу? От кого? Где безумец, который дерзнул бы поднять руку на эту святыню?

Жизнь горько посмеялась над наивной верой в Думу...

Но не веря уже в могущество Думы, обыватель все же надеялся, что из Думы придет ему избавление. Из Солнца свободы Таврический дворец, в его представлении, превратился в трепетный светильник, задуваемый ветром. Но сколь ни был слаб этот светильник, он казался единственным источником света; вокруг него не было ничего, кроме беспросветного мрака реакции.

Либеральный лозунг «берегите Думу» находил обоснование в той бешеной травле, которой подвергалась в то время Государственная Дума со стороны крайних правых. Черносотенная печать, дворянские с'езды, отделы Союза Русского Народа в один голос требовали роспуска еще не собравшейся Думы и назначения новых выборов на основании закона, обеспечивающего «патриотический» и «государственный» состав «народного представительства». Правительство колебалось. И если перед открытием первой Думы мы спорили с кадетами о том, сможет или не сможет правительство разогнать народных представителей, то теперь приходилось гадать, захочет или не захочет Столыпин терпеть оппозиционную, крамольную Думу.

Нужно, рассуждал обыватель, сделать так, чтобы Столыпин не захотел разогнать новую Думу. Значит, народные представители должны постараться не раздражать его, не вызывать его неудовольствия.

К этому сводился лозунг «берегите Думу» не только на столбцах кадетской печати, но и в устах депутатов-трудовиков и в бесчисленных наказах избирателей. В день открытия второй Думы трудовиковские «Новые Силы» призывали депутатов «разумно использовать все уроки первой

Думы, чтобы не дать жадной реакции пищи для репрессивных мер против самого парламента».

Тактика перводумских кадетов казалась чересчур решительной, чересчур рискованной втородумским трудовикам. В этом сказался глубокий упадок общественных настроений, — поправение России.

Но большевики этого факта не замечали. Для нас «полевение низов» не подлежало сомнению, а «бережение Думы» было очередной предательской выдумкой либерализма. И в нашей печати, и в устной агитации мы вели энергичную борьбу против этого «соглашательского» лозунга.

* * *

Отчетливо сохранились в моей памяти настроения, царившие в рабочих районах в первые дни второй Думы. Было в них что-то напоминавшее настроения середины ноября 1905 года. Вспышки революционных чаяний и надежд перемежались с каким то скорбным предчувствием.

Шли митинги. На многих заводах говорили депутаты социал-демократы. Куда не поспевали депутаты, там выступали агитаторы Петербургского Комитета.

Толпа была напряженная, чуткая. Жадно ловили каждое слово. Громко выражали свое согласие с оратором, аплодировали, кричали «верно». Целый лес рук, как по команде, поднимался за предложенную резолюцию.

Но порой из рабочей толпы раздавались вопросы:

— Поддержать то мы завсегда готовы, да как поддержать?

— Мы то пойдем, а другие то как?

Полиция смотрела на заводские митинги сквозь пальцы.

Порой конные городовые или казаки под'езжали вплотную к толпе, слушавшей депутата. Оратор продолжал говорить. А после окончания его речи, пристав или казачий офицер обращался к рабочим с приказанием:

— А теперь расходись!

И толпа расходилась.

Порой в ход пускались нагайки. Но до серьезных столкновений дело не доходило.

Правительство, приняв по отношению к Государственной Думе тактику выжидания, избегало кровопролития.

Но сравнительная сдержанность полиции не производила впечатления слабости. Скорее напротив: казалось, что Столыпин и градоначальник играют с рабочими, как кошка с пойманной мышью:

— «Захотим — разгоним. Захотим — расстреляем. А пока — слушайте ваших депутатов. Нам речи их не опасны».

Все с большей энергией развивала свою работу на фабриках и заводах черная сотня. Даже за Невской заставой, куда в 1906 году союзники не смели показываться, теперь Союз Русского Народа устраивал многолюдные собрания.

И рабочие шли к «союзникам», так как ползли слухи о предстоящих массовых расчетах и о том, что на заводах будут оставлены лишь истинно-русские люди.

Аресты шли непрерывной чередой. Это не были массовые аресты, как в период ликвидации движения 1905 года и в месяцы междудумья. Теперь хватали в одиночку то партийных рабочих, то деятелей профессионального движения, то фабрично-заводских уполномоченных. Обвинений не пред'являли. Одних держали в тюрьме, других высылали из Петербурга.

В то же время шли увольнения рабочих. Быть может, за этими увольнениями не было особого «заговора» буржуазии: просто промышленность переживала кризис, и хозяева, сокращая производство, расчитывали «лишние» рабочие руки. Но, естественно, мастера пользовались случаем, чтобы избавиться от «беспокойных» рабочих, «зачинщиков» всякого рода беспорядков.

Полиция, черная сотня, заводская администрация . . .

Рабочий чувствовал, что со всех сторон он окружен врагами, зорко следящими за каждым его движением, и что от этих врагов ему нечего ждать пощады. И не было в рабочей массе нашей уверенности, что «движение идет вперед и вперед» . . .

* *
*

Первые дни второй Государственной Думы прошли вяло и скучно.

Дума должна была сконструироваться, выбрать президиум, разбиться на отделы для проверки полномочий и т. д. Этот период был отмечен одним происшествием, которое произвело сильное впечатление на всю страну, — в зале думских заседаний обвалился потолок, и катастрофа лишь случайно обошлась без человеческих жертв. В народе говорили, что это дело подстроено правительством и «господами» умышленно: хотели с одного разу всех народных представителей задавить.

В это время вновь вспыхнула борьба между большевиками и меньшевиками, борьба настолько яростная, что отклики ее еще много лет спустя раздавались в межфракционной полемике.

Началось дело из-за сущих пустяков.

Перед открытием Государственной Думы кадеты предложили всем оппозиционным фракциям и группам собраться, чтобы сговориться о выборах президиума. Народнические группы (социалисты-революционеры в том числе) приняли это предложение без колебаний. Среди социал-демократов закипел спор.

Меньшевики считали, что созываемое кадетами совещание касается не политического, а технического вопроса об организации думской работы, и что у социал-демократов в данном случае нет оснований демонстрировать свое расхождение с думской оппозицией.

Большевики встали на принципиальную точку зрения: никаких совещаний, никаких переговоров с кадетами!

В конце концов, фракция решила принять участие в совещании.

С точки зрения большевиков, это означало вступление с.-д. фракции на гибельную стезю соглашательства. Нельзя было предвидеть, куда далее увлечет ее в этом направлении меньшевистский Ц. К. И чтобы предотвратить опасность, большевики решили аппелировать к массам.

Одно случайное обстоятельство пришло им на помощь в этой кампании: оказалось, что в числе других групп кадеты (без ведома нашей фракции) пригласили на совещание об'единенной оппозиции также и «народовых демократов» (из польского кола). Эта партия, оппозиционная по отношению к русскому правительству, у себя, в Польше, играла откровенно реакционную роль, участвовала в еврейских погромах и даже организовывала убийства социалистов из-за угла. Конечно, было нетрудно доказать, что с такой партией с.-д. совещаться не о чем.

Таково происхождение памятных споров о том, как «социал-демократы пили чай с кадетами и народовцами».

К вопросу об участии в совещании с кадетами вскоре присоединились споры по поводу выборов думского президиума: можно ли предоставить председательское место в Думе представителю партии Народной Свободы? можно ли социал-демократам голосовать за кадетского кандидата? как распределить места товарищей председателя? и т. д.

Формально спор между большевиками и меньшевиками велся по старой линии: за кадетов или против кадетов? Но, по существу, расхождение было глубже. Меньшевики, ориентируясь на длительную работу Думы, рассматривали предварительное конструирование ее с точки зрения создания наилучших условий для дальнейшей деятельности фракции. Большевики исходили из представления о непосредственной близости вооруженного восстания, и потому считали

недостойным и контр-революционным делом шаги, направленные в сторону налаживания в Думе органической работы.

Большевистская печать заговорила о том, что социал-демократы в Государственной Думе стали придатком кадетов и их рабами, что «знамя партии дрогнуло в их руках».

Меньшевики, в свою очередь, обвиняли большевиков в намеренном дискредитировании партийного парламентского представительства, в искажении фактов, в клевете. Полемика, с обеих сторон, приняла крайне озлобленный характер. Организация, в смысле внутренней склоки, вернулась к тому состоянию, в каком она находилась два месяца тому назад, после январьской конференции.

Атмосферу разрядило первое политическое выступление с.-д. фракции, — ее ответ на декларацию, прочитанную Столыпиным в Думе 6-го марта 1907 года.

* * *

Выступлению председателя правительства перед Государственной Думой предшествовали горячие споры в рядах оппозиции о том, как отвечать на его декларацию.

Неизвестно было, что скажет Столыпин, и в каких тонах будет выдержана его речь: будет ли она проникнута презрением к народному представительству, или в ней будет возвещена готовность правительства прислушиваться к пожеланиям Думы и работать рука об руку с нею. Но было заранее ясно, что прения по декларации правительства, если только они начнутся, должны вылиться в критику «столыпинского режима» в целом, должны вскрыть пропасть между правительством и думским большинством.

Логическим выводом была бы формула недоверия правительству, а за нею должно было последовать требование об отставке кабинета, должна была завязаться борьба Думы за выполнение этого требования, а за сим . . . за сим мерещился разгон Думы, изменение избирательного закона.

Лозунг «берегите Думу» не позволял либеральной оппозиции ступить на этот путь.

И вот, в рядах партии Народной Свободы рождается мысль: убедить Думу воздержаться от какой бы то ни было оценки правительственной декларации, — молча прослушать ее и перейти к очередным делам.

Народнические группы (в том числе и эсэры) примкнули к этому плану, отчасти отдавая, таким образом, дань лозунгу «берегите Думу», отчасти потому, что их увлекла идея об'единения всей оппозиции, хотя бы на платформе молчания.

С.-д. фракция отвергла эту тактику и решила ответить на декларацию Столыпина своей декларацией. Обосновать ее фракция поручила своему председателю Ираклию Церетели.

6-го марта Столыпин прочел свою декларацию. Она была составлена в сдержанном, деловом тоне, и в большей своей части была посвящена перечислению законопроектов, которые правительство предполагало представить в Государственную Думу. Речь главы правительства была встречена ледяным молчанием оппозиции и центра и бурными аплодисментами правых.

После Столыпина получил слово Церетели.

Он начал свою речь словами:

«Граждане народные представители! Быть может, многих удивит то гробовое молчание, которым было встречено сегодня первое появление правительства разгона Думы, правительства военно-полевых судов громадным большинством этого собрания. Но именно в этом молчании сказалась вся сила нашего протеста, вся глубина нашего негодования, ибо нет таких криков, нет таких бурных демонстраций, которые могли бы выразить чувства народные по отношению к правительству, сковавшему всю страну цепями военного положения, заточившему лучших ее сынов, к правительству, разорившему в конец население и растратившему народные гроши, предназначенные на помощь голодающим» . . .

Таким образом, с.-д. фракция, отказавшаяся от принятой остальными оппозиционными группами тактики молчания, становилась как бы выразительницей настроений всей оппозиции.

Речь Церетели произвела огромное впечатление. Справа её прерывали враждебными криками, слева аплодисментами. Оратор закончил словами, в которых выразилась вся тактика с.-д. фракции в ее противоположности тактике первдумского большинства:

«Мы не хотим обращаться к правительству с призывом подчиниться воле народа. Мы знаем, оно показало нам, что оно подчинится только силе. Мы обращаемся к народному представительству с призывом готовить эту силу. Мы не говорим: «Исполнительная власть да подчинится власти законодательной». Мы говорим: «В единении с народом, связавшись с народом, законодательная власть да подчинит себе власть исполнительную».

Яростные нападки правых и ответное выступление Столыпина с его гневным окриком «не запугаете» подчеркнули успех выступления с.-д. фракции. Правда, ее предложение о мотивированной формуле перехода было отвергнуто думским большинством, и Дума перешла к очередным делам, не сказав ни слова о своем отношении к правительственной декларации, но с этого дня с с.-д. фракцией стали считаться и в Таврическом дворце, и в либеральной печати, и в обществе, как с серьезной силой.

Что же касается лично до Церетели, то он стал героем дня: газеты посвящали ему статьи, рассыпались в похвалах его такту, находчивости, превозносили его ораторский талант.

Судя по тому, как оценивала большевистская печать каждое слово либеральных газет в похвалу Плеханова, и вообще меньшевиков, можно было ожидать, что такое же отношение вызовут и хвалебные статьи в честь Церетели. Но этого не случилось: эти статьи не только не вызывали в нашей среде раздражения, но, напротив, доставляли некоторое удовлетворение даже фракционно настроенным большевикам, — конечно, за исключением Алексинского.

Столь «снисходительное» отношение большевиков к лаврам, пожинаемым председателем с.-д. фракции в кадетских — и даже более правых — кругах, имело свои причины. Главная из них заключалась в том, что после избирательной кампании во вторую Думу нам приходилось отвоевывать обратно у эсэров заводы и фабрики. Борьба предстояла упорная, и в ней имело значение сравнение выступлений нашей думской фракции с выступлениями эсэров. Мы учитывали в этой борьбе успех Церетели, как успех с.-д. партии вообще, при чем не останавливались на мелочах, против которых можно было спорить с фракционной точки зрения.

Лишь месяц спустя, перед общепартийным с'ездом, подбирая обвинительный материал против меньшевиков, большевики вспомнили, что в речи Церетели и в прочитанной им декларации ничего не было сказано о социализме. Но и за это упущение обвиняли не лично Церетели, а меньшевистский Ц. К. и, — почему то, — лично Дана.

* * *

Успех с.-д. думской фракции, как я упоминал уже, разрядил атмосферу в нашей партийной организации.

После январьского скандала в ней не прекращалась склока. Меньшевики, повторяя, что Ленин «состоит под партийным судом за клевету», требовали от большевиков публичного отречения от их лидера. Большевики, со своей стороны, проводили на партийных собраниях резолюции доверия Ленину и полного одобрения его деятельности. Не довольствуясь обороной, большевики переходили в наступление и обвиняли Плеханова, Мартова, Мартынова и других меньшевиков в сотрудничестве в либеральной печати, в кадетолюбии, в оппортунизме, в ревизионизме, в затушевы-

вании классовых противоречий, а короче и проще, — в предательстве пролетариата.

Преступления обеих сторон были, в глазах рабочих, не одинаково тяжелы: Ленин, на худший конец, был виновен в том, что в пылу спора «загнул» через край; а Дан, как никак, продавал кадетам рабочие голоса и на вырученные деньги купил самовар . . .

К тому же непосредственными виновниками раскола в глазах рабочих были меньшевики. Именно они кололи партийные ячейки, отказываясь работать с большевиками впредь до суда над Лениным. Большевики, наоборот, выступали в роли поборников единства.

Мне пришлось быть на одном довольно многолюдном собрании, где Григорий (Зиновьев) делал доклад об январьской общегородской конференции. Доклад был построен в «примиренческих» тонах. Ни одного резкого слова против ушедших с конференции меньшевиков. Лишь глубокое сожаление:

— Мы понимаем товарищей меньшевиков: конечно, им тяжело, что петербургский пролетариат отказался от сделки с кадетами. Конечно, положение у них трудное: ведь товарищ Дан уже вел переговоры с кадетами, дал им обещанья, — а вдруг пролетариат отказался от заключенного за его спиной соглашения. Товарищи меньшевики сердятся на товарища Ленина за то, что он слишком прямо написал о них. Может быть, суд и признает, что товарищ Ленин должен был скрывать от рабочих правду. Но ведь вы-то, товарищи большевики, не все под судом, — под судом только товарищ Ленин. И вы, товарищи рабочие меньшевики, не все вели переговоры с Милюковым, — переговоры вел только товарищ Дан. Зачем же вам раскалываться?

При таком обороте спора все шансы победы были на стороне большевиков.

И, действительно, рабочие массы Петербурга все тверже усваивали различие между обеими фракциями: за буржуазию — так меньшевик, против буржуев — так большевик.

Можно было удовлетвориться на время достигнутым результатом, прервать межфракционную склоку и перенести огонь на эсэров.

Январьский успех социалистов-революционеров был легко ликвидирован. Рабочие возвращались к социал-демократам.

Партийная работа начала понемногу налаживаться. Но росли, развивались исключительно большевистские организации.

Петербургский Комитет, состоявший после январьского раскола исключительно из большевиков, предложил меньшевикам произвести, под контролем Ц. К., новые выборы общегородской конференции, на основе пропорционального представительства обоих течений.

Меньшевики согласились.

Опять контрольные комиссии, дискуссии, погоня за голосами. На этот раз злоупотреблений было меньше, чем перед январьской конференцией. Но мертвые души пролезали и теперь: как помешаешь рабочему привести на собрание пару товарищей, за которых он ручается? Как откажешь в праве голоса кружку, который из-за полицейских условий не собирался несколько месяцев, а теперь начал собираться? Да, наконец, как определишь, вообще, границы партийной организации, когда нет ни членских взносов, ни списков, ни правильно действующих ячеек?

Не знаю, как обстояло дело у меньшевиков, но в наших ячейках голоса и на этот раз собирались не слишком строго . . .

Впрочем, приказчики отличились. Для них было вопросом чести доказать, что у них имеется свыше 300 членов партии. И они, в самом деле, устроили до двух десятков кружковых собраний, на которые умудрились притащить даже не 300, а целых 350 человек. Их считали и представители П. К., и представители Ц. К. — счет был правиль-

ный, — «копеечка в копеечку», как говорили приказчики. Но само собой разумеется, среди этих 350 «членов партии» были разные люди. Устроители собрания тихонько, на ухо, предупреждали агитатора-большевика:

— Вы, знаете, полегче... Царя не касайтесь... Чтоб не отпугнуть...

Как бы то ни было, в выборах на конференцию приняло участие без малого 7000 ч. По петербургским условиям, это была цифра огромная.

Большевиков на конференции оказалось в два слишком раза больше, чем меньшевиков.

Меньшевики, — в частности, представители Ц. К., — на конференции почти ничем не проявляли себя, — они заранее знали, что все их предложения будут отклонены.

Конференция решила конструироваться в постоянный руководящий центр петербургской организации. Переизбранный Петербургский Комитет должен был стать ее исполнительным органом, — чем то в роде ответственного министерства при полновластном парламенте. При определении состава П. К. большевики оставили за собой ¾ мест (помнится, 15 мест из 20), а остальные места предоставили меньшевикам.

Из большевиков в комитет вошли Рожков, кажется, Зиновьев, Николай (Коновалов), Сергей Малышев, я, несколько рабочих и несколько твердокаменных интеллигентов. Меньшевики вошли в комитет несколько позже, имен их я не помню, — во всяком случае, видных работников среди них не было. На заседания они приходили редко, держались, скорее, как понятые, чем как активные члены организации: воздерживались при голосовании, в прениях не участвовали, сидели молча, в сторонке.

Из всей петербургской организации меньшевики прочно удержали за собой лишь Франко-Русский подрайон, несколько заводов на Выборгской стороне и на Васильевском Острове, да еще железно-дорожников. Таким образом, при ликвидации раскола почти вся петербургская организация осталась в руках большевиков.

* * *

В феврале — марте 1906 года с.-д. партийная работа развивалась сравнительно успешно не только в Петербурге, но и в провинции, — даже в деревне.

Уже издавна при нашем окружном районе значилась (кажется, в виде особого подрайона) крестьянская организация. Не знаю, когда и при каких обстоятельствах она возникла. Но в 1906 году она не то рассыпалась, не то утратила связь с Петербургом, и с тех пор числилась в нетях. Был слух, что там засели меньшевики.

Неожиданно в феврале в окружной районный комитет явился с докладом представитель крестьянских работников, молодой человек лет 25, белобрысый, в больших круглых очках, с негромким голосом, плавной размеренной речью, скромными манерами.

Это был видный крестьянский работник, меньшевик Степан Деревенский. От него мы узнали, что с.-д. крестьянские группы рассеяны по всей Петербургской губернии. Особенно много возникло их за последние месяцы, после разгона первой Думы, когда начались усиленные высылки рабочих из столицы на родину. Высланные вызывают интерес среди земляков. Крестьяне расспрашивают их:

— За что тебя пригнали?

— Видел ли в городе царя? Какой он?

— Видел ли депутатов?

Высланный в ответ рассказывает и про царя, и про все остальное. С этого начинается агитация, которой никакая полиция не может помешать. А где высланный оказывается посмелее да поэнергичнее, или где на деревню приходится два-три высланных, там вскоре складывается группка революционно настроенных мужичков, тяготеющих к «рабочей» партии.

Короче, при содействии петербургского градоначальника наша крестьянская организация в короткое время раскинула по губернии такую сеть кружков, о которой полгода назад она и мечтать не могла.

В заключение доклада, Степан сообщил, что в середине марта состоится в Ямбурге уездная конференция крестьянских организаций, и просил комитет послать туда своего представителя. Должен признаться, что я до тех пор и не подозревал о существовании в петербургской губернии уездного города Ямбурга. Мне послышалось, что Степан Деревенский устраивал конференцию в Гамбурге, и я иронически спросил его: Что так далеко?

Степан об'яснил, что это всего в трех или четырех часах езды от Петербурга . . .

Со времени моей злополучной поездки в Новгородскую губернию (в ноябре 1905 года), я считался в партии специалистом по пропаганде в деревне. Мне и предложили ехать (вместе с Деревенским) на ямбургскую уездную конференцию.

Выехали мы ночным поездом. Сидели на коротеньких лавках у окна, и Степан не спеша рассказывал мне о своей работе в деревне.

Рассказывал, как во время первой Думы он об'езжал деревни, проводя на сходах наказы о земле и воле. Раз приехал он в село, где сход всего за несколько дней до того, по предложению местного священника, послал телеграмму на высочайшее имя с ходатайством о разгоне Государственной Думы и уничтожении «жидовской конституции». Как тут быть?

Степан созвал через старосту крестьян и обратился к ним с речью, как ходок от крестьянского общества какой то дальней губернии.

— Послали меня мужики узнать, где крестьяне хорошо живут. Нигде я такой деревни не нашел, да вот прочел в газете вашу телеграмму к царю . . .

Начал расспрашивать, всем ли довольны в селе: хватает ли земли? хороши ли кругом помещики? хорош ли земский? Мужики принялись жаловаться: и земли мало, и помещики — кровопийцы, и начальство плохое.

Выслушав все жалобы, Степан сказал мужикам:

— Что же вы, старики, наделали? У вас все ни дать, ни взять, как в нашей деревне. Да и повсюду не лучше, — об этом депутаты уж давно царю докладывали. Да только баре ему сказали, чтоб мужикам он не верил. Царь и не знал, кому верить, депутатам или барам. А как пришла ваша телеграмма, баре с нею к царю и пошли: «Видишь, наша правда, и мужики за нас говорят». Царь им и говорит: «Теперь я сам вижу, что ваша правда». И сел манифест писать, чтобы депутатов прогнать, а начальство оставить и земли мужикам не давать.

Мужики ахнули. Принялись ругать священника, подбившего их на посылку телеграммы. Стали просить агитатора написать другую телеграмму, в которой все было бы сказано по правде. Степан сперва отговаривался, — все равно, мол, дела теперь не поправишь; затем сдался, написал крестьянам новый приговор . . . Теперь в селе прочная партийная организация.

Приехали в Ямбург глубокой ночью. Степан повел меня в город. Шли по темным улицам; со всех сторон оглушительно заливались собаки. Наконец, Степан остановился у какой то калитки.

— Здесь, подождите минутку.

Он исчез в темноте. Ждать пришлось долго. А вернувшись, Степан сообщил, что полиция пронюхала о предполагавшейся конференции, и потому местные товарищи решили перенести собрание в другое место, — он назвал деревню. Ехать нужно было поездом, а потом от станции итти версты три пешком.

Степан уже бывал здесь и уверенно шагал по занесенной снегом дороге. Снег казался розовым под первыми лучами утреннего солнца. Деревья ближнего леса, как

голубые облака, вставали над равниной. Воздух напоен бодрящей свежестью. Идти весело, приятно.

В деревне зашли в большую избу с резными наличниками. Хозяин, — уже немолодой, бородатый человек, — не то купец, не то крестьянин с виду, встретил нас приветливо, усадил за стол подкрепиться с дороги.

— Как с'езд? спрашивал Степан.

— Собираются понемногу. Которые до свету приехали, а которые под'езжают.

В избу зашел приземистый, плотный мужик, с курчавой бородой, с вздернутым вверх, будто перебитым носом. На груди — медная бляха, в одной руке — большой охотничий рог, в другой — ружье. Взглянул на нас и спросил:

— Петербургские?

Хозяин избы кивнул головой.

Мужик с бляхой подошел к нам и заговорил деловым тоном:

— Это я для порядку. Неровен час, сюда их принесет ... Так через деревню дорога одна, — хочешь направо поезжай, хочешь налево ... Как с'езд соберется, перед правленцем мы лошадей поставим, а за околицу я ребят пошлю, туда вот — с трубой, а на ту сторону — с ружьем. Чуть что, ты труби, а ты стреляй! Мы и будем знать, откуда тревога. Вы, значит, уехали, мужики по избам разошлись, а я с писарем в правлении — будем их принимать. Пока они концы разберут, — вы не то, что до Петербурга, — до Москвы доедете.

Все это — как доклад по начальству. Я спросил старосту:

— В деревне знают о с'езде?

— Как же! Всем об'явлено, чтоб в правление не лезли, не мешали.

Вспомнив свой «опыт» 1905 года, я предложил устроить заседания с'езда открытыми, при всей деревне. Степан и староста одобрили мое предложение. Конференция открылась в избе сельского правления. Спереди, на лавках, расселись делегаты, позади толпились крестьяне.

Делегатов было немного: 16 человек с решающими голосами, да мы со Степаном, да два молодых человека из Ямбурга. Всего было представлено 14 партийных ячеек, насчитывавших, в общей сложности, 200 членов.

Начались отчеты с мест. Слушая их, я диву давался. Во всех партийных группах ежемесячные членские взносы — гривенник, пятиалтынный. Выписывают газеты. Читают вслух, в сельском правлении, для всего общества. В некоторых деревнях установлены особые сборы — на вооружение. Две деревни уже приобрели по браунингу. В одной деревне партийная группа сняла у общества в аренду мельницу: вырученные за помол суммы идут на приобретение революционной литературы и оружия. В другой деревне высланный из Петербурга слесарь смастерил машину для изготовления драни (для крыш) и передал ее партийной группе; работают при машине члены группы поочередно, без всякого вознаграждения; берут заказы; крестьяне, зная, что деньги идут на революцию, платят, не торгуясь. Крестьянин, рассказывавший об этом «доходном» предприятии, с гордостью представил и денежный отчет, — что то на 22 рубля с копейками.

Другие останавливались на экономической борьбе крестьян с помещиками, — из-за арендной платы, из-за покосов: во всем уезде этой борьбой руководили партийные группы.

После докладов с мест конференция перешла к обсуждению «текущего политического момента». Я сделал доклад, делегаты засыпали меня вопросами. Больше всего спрашивали о Государственной Думе, особенно интересовались историей с обвалом потолка.

Затем спрашивали: Долго ли просуществует вторая Дума? На когда назначено восстание?

Вопрос о восстании крестьяне ставили совершенно так, как ставился этот вопрос в нелегальной большевистской

литературе: нужно сговориться, выбрать время и назначить день и час, — а народ уж не «подгадит», восстанет.

Делегаты и время для восстания указывали точно так, как Ленин:

— Поспешить нужно, чтобы до весны управиться. Весной то нам не до революции будет.

Перешли к задачам с.-д. работы в деревне. Мысль крестьян упорно цеплялась за вопрос о вооруженной борьбе народа с правительством. И их предложения поражали меня свежестью, новизной:

— В 5-ом году ошибочка у вас, питерских, вышла, — когда Москва бунтовала, чугунку остановить не сумели. Почему? Потому, что не с того конца дело повели. В городах войско, там ничего не поделаешь. А как начнут мужики по всему пути гайки вывинчивать, да костыли вырывать, да рельсы снимать, кто им помешает?

Говорили о посылке ходоков в Думу, о создании широкой выборной организации, о смещении местных властей.

В заключение — обсудили вопрос о предстоящем общепартийном с'езде. Устроили дискуссию по платформам, — все так же, в присутствии всей деревни. За большевистскую резолюцию было подано 118 голосов, за меньшевистскую — 54 [1]).

Закончилась конференция поздно вечером. Мы со Степаном хотели тотчас же отправиться на станцию, чтобы к ночи вернуться в Петербург, но оказалось, что ближайший поезд проходит лишь утром. Пришлось часов до трех ночи остаться в деревне.

Местный учитель зазвал нас к себе. Вынул из стенного шкафчика графин и принялся усердно угощать нас водкой. Мы отказывались, он пил один, продолжая нас потчевать и жалуясь на скуку деревенской жизни и на темноту мужиков.

[1]) В № 16 «Пролетария» помещен довольно подробный отчет об этой конференции, написанный мною.

Было уже за полночь, когда кто-то легонько постучал в ставню, и под окном послышался тонкий голосок:

— У вас свет? Вы еще не ложились? Можно к вам?

Учитель, поспешно убрав водку, вышел в сени. В избу вошла молоденькая девушка, с раскрасневшимся от мороза лицом, вся запорошенная снегом. Отряхая снег с шубки, она с досадой говорила учителю:

— Такая обида! Зря проездила, — перенесли куда то, а куда, никто не знает.

— А конференция то у нас собралась, усмехнулся учитель.

— Как у нас? Не может быть!

Учитель указал на нас. Девушка с любопытством вглядывалась в наши лица — и вдруг разрыдалась, как 5-летняя девочка, разбившая любимую куклу. Опустилась на лавку, отвернулась к стене, закрыла лицо руками и плакала, жалуясь на свое горе:

— Три месяца ждала... Нарочно в город поехала... А они сюда перенесли... А я ничего не видела...

Чтобы утешить ее, мы предложили ей рассказать обо всем, что было на конференции. Она успокоилась, вытерла слезы, рассмеялась и подошла к нам знакомиться.

Оказалось, что это сельская учительница, помощница учителя, угощавшего нас водкой. Жила она в соседней избе.

Выслушав наш «доклад» о конференции, девушка стала умолять нас зайти к ней посмотреть ее «библиотеку» и посоветовать ей, что читать для самообразования.

«Библиотека» состояла из двух стопок книжек, старательно установленных на столике, служившем учительнице и для исправления школьных тетрадок, и для еды, и для туалета. Подбор книжек был случайный: «Спартак», «Овод», биография Бланки, «Беседы о труде» Карышева, политическая экономия Железнова. Мы похвалили выбор и посоветовали прибавить «Эрфуртскую программу», «Коммунистический манифест» и «Аграрный вопрос» П. Маслова.

С горящими от радостного возбуждения глазами, девушка записывала названия книг, переспрашивая по нескольку раз, как пишется «коммунистический» и «эрфуртская».

Расставшись с нею, мы пошли на станцию по снежной дороге, под сверкающим миллионами звезд безоблачным небом...

В Петербурге я рассказал о проведенной нами конференции, как о большой и неожиданной удаче.

Правда, я не говорил, что «в деревне все готово», что «крестьяне ждут призыва». Но из моего доклада, несомненно, мог получиться такой вывод.

Лишь позже я понял, что речи делегатов на ямбургской уездной конференции не представляли собою голос Русской Земли, что в них звучали лишь поздние отголоски настроений рабочих пригородов Петербурга...

* * *

В центре нашей партийной работы все яснее становились вопросы, связанные с Государственной Думой, а между тем думская с.-д. фракция была в руках меньшевиков.

Алексинский рассказывал о притеснениях, которым он подвергался во фракции: его затирают, не дают ему выступать, все делается по сговору Джапаридзе и Церетели с представителями Ц. К. Обиднее всего было то, что настоящих меньшевиков среди депутатов было немного, но они вели за собой всю фракцию. Необходимо было противопоставить им сплоченную группу депутатов-большевиков.

Началась обработка депутатов. Центром этой кампании служила квартира, снятая Алексинским на Загородном, недалеко от Технологического Института.

В эту квартиру, куда перебралась и большевистская редакция, сходились депутаты большевики или склоняющиеся к большевизму. Сюда приходили рабочие с наказами, с резолюциями митингов, с жалобами на заводскую администрацию и полицию. Кажется, здесь был устроен также чайный буфет, — во всяком случае, эта квартира была известна в организации под названием «живопырни».

Из большевистских работников здесь подвизались Рожков, Гольденберг и, кажется, Зиновьев. Звали и меня, но я заходил в «живопырню» лишь урывками, между делом.

Иногда, по вечерам, здесь устраивались собрания депутатов с докладами на политические темы.

Одно такое собрание отчетливо запомнилось мне.

Обширная комната, разделенная на-двое аркой. По одну сторону от арки, под электрической люстрой, стол, вокруг него человек десять депутатов. По другую сторону, в полумраке, на беспорядочно расставленных стульях, вперемежку с депутатами расселись петербургские работники. В глубине широкий диван, — на нем развалились Рожков, Гольденберг, Николай. Здесь примостился и я.

Открыл собрание А. Богданов.

— Мы собрались, сказал он, чтобы столковаться о том, как понимаем мы задачи большевизма. Прошу высказываться...

Не знаю, был ли запасен для этого собрания официальный докладчик. Но первым попросил слово Красиков. Он был очень красен с лица, один ус торчал у него вверх, другой спускался вниз, и на ногах держался он не вполне твердо. Выдя в пустое пространство под аркой и широко расставив ноги (для устойчивости), он начал свою речь:

— Товарищи, у нас, у большевиков, всегда прямая тактика, мы никогда не должны забывать ее. А в чем наша тактика, товарищи? Всем в морду! Кадет — так кадету в зубы! Эсэр — так эсэру в ухо! Меньшевик — так меньшевику в рыло!

Для большей наглядности Красиков и жестами пояснял, в чем заключается большевистская тактика.

— Говорят, продолжал он, должны мы толкать буржуазию влево. А как ее толкнешь? А ты зайди справа, да хлясть ее по морде! Вот что такое большевизм . . .

Мы, на диване, в глубине комнаты, чувствовали себя неловко. Гольденберг порывался встать, чтобы остановить оратора. Рожков давился от смеха. Но депутаты слушали со вниманием и почтением.

Особенно поразил меня бородатый, благообразный Серов, сидевший прямо против оратора и проникновенно кивавший головой в такт его выкрикам. На лице Анисимова тоже читалось благоговение неофита, перед которым наконец то открылась высшая тайна непонятного культа . . .

Впрочем, обработка депутатов в квартире на Загородном плохо подвигалась вперед. Депутаты приходили в «живопырню», толковали с нашими рабочими, уверяли, что они сочувствуют большевизму, а во фракции шли за Церетели, Джапаридзе и представителями Ц. К.

* * *

Дело в том, что с.-д. фракции приходилось работать в обстановке, при которой прямолинейная тактика Красикова («всем в морду») была неприменима.

Я говорил уже, что решающая роль во второй Думе, как и в первой, принадлежала партии Народной Свободы. В зависимости от ее позиции, по любому вопросу получалось либо правое, либо левое большинство. А благодаря поддержке промежуточных групп, в отдельных случаях кадеты могли проводить желательное им решение сами — против левых и правых.

Основой же всей тактики конституционалистов-демократов во второй Думе было стремление во что бы то ни стало избежать — преждевременного, с их точки зрения — столкновения с правительством. Не было речи не только об организации общественных сил вокруг Думы, но и о

таких методах парламентской борьбы, как вотум недоверия, отклонение бюджета. Даже требование ответственного министерства признавалось несвоевременным. Все усилия были направлены к тому, чтобы наладить органическую работу Думы и добиться делового сотрудничества с правительством, на почве выработки законопроектов, рассмотрения смет и т. д., и т. д. Лишь в запросах партия Народной Свободы проявляла свою оппозицию правительству Столыпина.

Трудовики, как и в первой Думе, не имели собственной определенной тактики. Порой они поддерживали социал-демократов, но чаще, в решительный момент, голосовали с кадетами.

Слабо проявляли себя и другие народнические группы, — энэсы и эсэры. Возможно, что помимо других, более общих причин, их выступления в Думе связывала усвоенная крайними правыми тактика — по всякому поводу выдвигать вперед вопрос о террористических актах и требовать от Думы осуждения революционного террора. Между думской деятельностью социалистов-революционеров и боевыми предприятиями партии было бьющее в глаза противоречие, и оно многопудовой гирей висело на ногах депутатов-народников.

Таким образом, вторая Дума не оправдывала характеристики, которую мы давали ей, как «самому революционному парламенту в самой реакционной стране».

А хуже всего было то, что Дума все время висела на волоске. Не прекращались слухи о предстоящем разгоне ее. Депутаты не чувствовали твердой почвы под ногами.

С.-д. фракции приходилось учитывать все эти обстоятельства. Приходилось считаться и с тем, как бы не сыграть на руку черной сотне, которая старалась провоцировать Думу и вносить в ее заседания элемент скандала.

Наша фракция успешно справлялась с этими трудностями. Ее выступления по вопросам о земле, о помощи

голодающим, о бюджете, о контингенте новобранцев и т. д. были проведены блестяще. С каждым днем она завоевывала в рабочих массах все больше симпатий.

Отчетливо помню: в марте — апреле у нас, в большевистской организации, определенно любили думскую фракцию, — любили ее, несмотря на разговоры о том, что депутаты «ходят пить чай к кадетам».

Правда, в это самое время большевистский центр собирал обвинительный материал против думской фракции для предстоявшего с'езда. Но эта кампания велась под сурдинку, — петербургская организация, в целом, в ней не участвовала.

* * *

Были в работе с.-д. фракции и промахи. Так, неудачным оказалось ее выступление по вопросу о безработных.

Этот вопрос был выдвинут петербургским Советом Безработных, где еще до начала сессии был выработан план привлечения народного представительства к делу борьбы за «хлеб и работы».

На кредиты, которые могла бы отпустить Государственная Дума, мы не расчитывали: ясно было заранее, что, если Дума и решит открыть такие кредиты, они застрянут в Государственном Совете. Но Дума могла своим политическим, моральным весом придти на помощь безработным в той борьбе, которую они вели с начала 1906 года. Как я упоминал уже, эта борьба протекала в русле муниципального рабочего движения и выражалась в пред'явлении городским думам требования об устройстве бесплатных столовых и общественных работ. В Петербурге, Москве и некоторых провинциальных городах эта борьба увенчалась успехом. Но реакционные городские думы неохотно шли на уступки безработных, столовые, и в особенности, общественные работы были для них бельмом на глазу, и по мере усиления реакции, они стремились от них отделаться.

Весной 1907 года столовые почти повсюду уже были закрыты, а работы были накануне закрытия.

Мы хотели поставить в Государственной Думе вопрос так, чтобы на почве его можно было бы возобновить кампанию под лозунгом «хлеба и работы» во всероссийском масштабе.

Конкретно, мы выработали такой план:

С.-д. фракция должна предложить Государственной Думе признать, что органы городского самоуправления обязаны, в случае массовой безработицы, оказывать безработным продовольственную и трудовую помощь;

Признав этот принцип, Дума должна набрать комиссию для выработки соответствующего законопроекта;

Комиссия должна выработать план организации помощи безработным (при непременном участии представителей пролетариата), а также установить порядок исходатайствования органами местного самоуправления пособий на это дело из государственного казначейства, в случае недостатка собственных средств;

Та же комиссия должна определить размеры кредита, который должен быть отпущен государством на удовлетворение таких ходатайств.

В этом плане все сводилось к тому, чтобы укрепить непосредственный натиск рабочих на городские думы и поколебать сопротивление последних.

Что касается до принципа, провозглашения которого мы ожидали от Государственной Думы, то в нем не было ничего утопического: даже наше архаическое «городовое положение» предусматривало, что городские думы обязаны приходить на помощь населению, пострадавшему от стихийного бедствия; и в 1906 году, идя навстречу требованиям рабочих, многие городские думы (в том числе петербургская и московская) — толковали этот пункт в том смысле, что под «стихийным бедствием» следует понимать не только пожар, наводнение, землетря-

сение, градобитие, но и массовую безработицу. Оставалось лишь закрепить это толкование...

Выработанный нами план постановки в Государственной Думе вопроса о безработице был без прений принят Петербургским Комитетом.

14 марта с.-д. фракция приняла депутацию Совета Безработных (в составе меня, Сергея Малышева и одного рабочего меньшевика).

Приняли нас довольно неприветливо, при чем, прежде чем мне было дано слово для доклада, представитель Ц. К. Дан внушительно раз'яснил, что нам предоставляется говорить о положении петербургских безработных, не касаясь политических вопросов и избегая советов и указаний депутатам.

Когда я изложил, чего ждем мы от с.-д. фракции, другой представитель Ц. К. выступил с возражениями: обязывать органы городского самоуправления устраивать общественные работы значит вторгаться сверху в их компетенцию и воскрешать «право на труд»; на этот путь с.-д. фракция не может становиться; фракция может лишь предложить Государственной Думе открыть кредит...

На этом прения были прекращены.

Не думаю, чтобы большинство депутатов было склонно принять аргументацию моего оппонента. Но представитель Ц. К. добился от фракции признания, что вопрос о муниципальной помощи безработным еще не вполне выяснен, а выступать в Думе нужно лишь по вопросам, окончательно выясненным. И на этом основании решено было пока не поднимать в Государственной Думе вопроса об обязанности органов самоуправления оказывать помощь безработным, а говорить исключительно об оказании им помощи государством.

Таким образом, из вопроса было выкинуто то, в чем заключался весь его политический смысл.

Вдобавок, говорить в Думе было поручено Арчилу Джапаридзе, — талантливому политическому деятелю, но слабому оратору, не подходившему для данного выступления.

В результате, вопрос о помощи безработным был в Государственной Думе смазан. Предложение с.-д. фракции оказалось чисто академическим, лишенным политического стержня: фракция предложила избрать комиссию для собирания сведений о безработных, выяснения причин безработицы, изыскания способов и формы оказания безработным помощи и обсуждения вопроса о размере необходимых для этого средств.

Выступление фракции было бы еще более неудачным, еслибы его не спасли кадеты, предложившие ограничить задачи комиссии вопросом о помощи лицам, «пострадавшим от промышленного кризиса». Социал-демократы энергично возражали против этого предложения и добились того, что Дума, большинством 223 голосов против 202, его отвергла (один из немногих случаев, когда во второй Думе партия Народной Свободы осталась в меньшинстве).

Итак, комиссия была избрана. Председателем ее оказался эсэр Горбунов, а секретарем Алексинский.

По предложению Алексинского, комиссия постановила пригласить на свои заседания, в качестве «сведущих лиц», Малышева и меня.

В назначенный день и час мы явились в Таврический дворец с ворохами материалов. Но только переступили мы через порог, навстречу нам вышел представительный, блестящий офицер:

— Г. г. Войтинский и Малышев? предупредительно осведомился он.

И получив ответ, еще более предупредительно сообщил:

— В помещение Государственной Думы пропущены вы не будете.

— На каком основании? запротестовал я, пред'являя офицеру полученное мною приглашение за подписью секретаря Государственной Думы Челнокова.

— На основании приказа г. председателя Совета Министров.

Пришлось ретироваться.

Думская комиссия собралась, помнится, раз или два, и работа ее выразилась в том, что она «установила» цифру кредита, необходимого для помощи безработным, — что то 10 или 15 миллионов. Но до рассмотрения этой цифры в Думе дело не дошло; вопрос был похоронен.

Что же касается до внедумской борьбы за «хлеб и работы», то ей думское выступление с.-д. фракции не только не помогло, но даже, в известном смысле, помешало.

На другой день после обсуждения в Государственной Думе вопроса о безработных, черносотенная печать стала требовать немедленного повсеместного закрытия общественных работ. Городское самоуправление, писали газеты, не имеет права тратить на это дело городские деньги, после того, как высшее законодательное учреждение признало, что помощь безработным — дело государственной власти, а отнюдь не отдельных городов.

Вопрос о закрытии работ, с ссылкой на постановление Государственной Думы, был официально поставлен и в Петербургской Городской Думе . . .

Наиболее поучительно в этой истории то, по какой линии произошло здесь расхождение П. К. и Ц. К.

П. К., вслед за Советом Безработных, предлагал: 1) исходить из исторически сложившихся форм борьбы рабочих за помощь безработным; 2) поставить в Государственной Думе вопрос так, чтобы положить начало длительной кампании.

Ц. К. поставил вопрос теоретически, абстрактно, как вопрос пропаганды.

Иными словами: мы, большевики, сами того не подозревая, поставили вопрос по — меньшевистски, — и этого оказалось достаточным для того, чтобы меньшевики перевернули вопрос и придали ему большевистскую постановку.

* * *

Положение рабочих в Петербурге день ото дня ухудшалось.

Все более обострялась безработица.

Из безработных иные уезжали в деревню, других градоначальство отправляло по этапу до «места приписки». Но многие оставались в городе, по близости от завода или фабрики, откуда были выброшены полтора года назад, в ноябре 1905 года. Жили, голодая, нередко протягивая руку за подаянием. Под влиянием нужды, безделья и унижений, иные из безработных деклассировались, превратились в лумпенов, другие были на пути к такому превращению . . .

Профессиональные союзы были бессильны бороться с бедствием, их средства были ничтожны по сравнению с окружавшим их морем нужды.

Помощь Совета Безработных была недостаточна. Общественные работы сокращались, на них оставалось не больше 1000 человек.

Огромное большинство безработных не получало помощи ни откуда. Участились случаи голодной смерти на улице и самоубийства от голода.

В этой атмосфере рождались акты экономического террора, нападения на мастеров, директоров, инженеров, экспроприации.

В петербургском рабочем движении появилась новая струя, — анархическая. Особенно энергично действовали махаевцы, выступавшие как «Группа Рабочего Заговора».

Мне приходилось часто встречаться с ними, так как главные усилия они направили на то, чтобы подчинить своему влиянию безработных. Я затруднился бы изложить здесь теоретическую основу этой разновидности русского анархизма и определить его отношение к другим родственным течениям. Могу говорить лишь о практической работе махаевцев, об их пропаганде.

Они звали рабочих к «прямому действию», понимая под этим насильственный захват всего необходимого для жизни

и месть врагам трудящихся. Практически это сводилось к экспроприациям и индивидуальному террору.

Обосновывая необходимость такой «тактики», махаевцы резко, в тоне грубейшей демагогии, нападали на социалистов. Так например, рассказывая (по Лиссагаре и Арну) сцены расстрела коммунаров версальцами, они уверяли, что все версальцы, и в частности, Галифе, были социалистами, а коммунары — анархистами. Помню, с какой страстью, с какой ненавистью говорили они о том, как их товарищи умирали от жажды под палящими лучами солнца, в кольце версальских штыков, и как социал-демократы предлагали им пить из лужи, где вода была смешана с кровью . . .

Речи социалистов о вооруженном восстании представлялись махаевцам предательским маневром охранителей капитализма.

— Когда будет ваше восстание? спрашивали они: Восстает лишь голодный, и в тот самый час, когда он голоден. У тебя нет ничего, — так восстань! У тебя нет оружия? Кирпич, булыжник, нож — другого оружия не нужно голодному . . .

Эта проповедь находила отклик среди рабочих. Кое-где махаевцам удавалось проводить резолюции с выражением «презрения социалистам». Но даже и там, где рабочие, после горячего спора между махаевцами и социал-демократами, принимали резолюцию о «верности социалистическому знамени», даже и там призывы «Рабочего Заговора» оставляли известный след.

Кто были эти люди, бросавшие кровавые семена в взрыхленную реакцией почву рабочих кварталов? Я не знаю их имен, не знаю, откуда они явились и куда в дальнейшем исчезли. Но при встречах с ними у меня оставалось впечатление, что это люди искренние, до конца искренние, но охваченные отчаянием и в отчаянии дошедшие до исступления, почти до безумия. В них было что то трагическое и вместе с тем жалкое, какая то затравленность.

Помню мое первое столкновение с ними. Это было немного раньше описываемого времени, когда еще существовали столовые для безработных.

В одной из таких столовых собрались безработные городского района, человек с 1000. Я делал доклад от имени Исполнительного Комитета, говорил о ходе нашей борьбы с Городской Думой. Когда я кончил, на стол рядом со мной вскочил незнакомый мне человек, — с виду не рабочий, — и начал — о расстреле коммунаров, о парламентаризме, о безработице в свободной Америке. Затем, посыпались проклятья против богачей и призывы к индивидуальному террору, подкрепляемые указанием, что и столовым ножем можно «проколоть пузо буржуя». Эта сумбурная речь имела успех, ее прерывали аплодисментами. Отвечая незнакомцу, я старался показать рабочим, что подобные призывы гибельны для них и могут быть полезны лишь полиции. Вдруг мой оппонент выхватил револьвер и, направив его на меня, закричал:

— Вы меня назвали провокатором. Возьмите слова обратно, или я убью вас!

Я тоже вынул револьвер, и так мы стояли несколько секунд друг против друга. Но тут я заметил, что у моего противника все лицо дергается, как у человека, который вот-вот разрыдается. Я махнул рукой и, не отвечая ему, продолжал свою речь. А он спрятал свой револьвер и, взяв после меня слово, стал жаловаться на то, что анархисты повсюду в мире подвергаются преследованиям и оскорблениям . . .

Таково было мое первое знакомство с махаевцами. Не многим лучше были дальнейшие встречи с ними.

Деятельность этой группы среди безработных имела роковые последствия. Правда, махаевцам не удалось увлечь за собою массу безработных, но одиночки пошли за ними по пути крови и смерти.

В мае были убиты на общественных работах в Галерной Гавани два городских инженера В. А. Берс[1]) и Д. К. Нюберг. Виновники убийства остались не обнаружены, но ходили слухи, что это — дело махаевцев . . .

Мне кажется, что для рабочего движения весны 1907 года махаевщина характернее, показательнее, нежели оживление партийной работы, которыми были отмечены первые недели существования второй Государственной Думы. Ибо радовавшее нас оживление касалось лишь сравнительно тонкого слоя передовых рабочих, тогда как в массах все отчетливее складывались настроения отчаяния.

* * *

В петербургской с.-д. организации апрель 1907 года прошел в подготовке к общепартийному с'езду, в выработке и обсуждении резолюций, в спорах о «платформах».

Большевики мечтали на предстоявшем с'езде вырвать Ц. К. из рук меньшевиков. А так как выполнить эту задачу можно было лишь при поддержке национальных организаций, то большевистский центр, вырабатывая проекты резолюций, старался сделать их более или менее приемлемыми для латышей и бундовцев.

На передний план большевики выдвинули положение, что революционное движение в России идет к новому под'ему, и что партия должна в своей деятельности ориентироваться на неизбежность вооруженного восстания.

Меньшевики выдвигали вопросы о новой тактике и новых организационных задачах для того — быть может, длительного — периода революционного затишья, в который, по их мнению, вступала Россия.

Дискуссии на этот раз велись менее горячо, чем накануне стокгольмского с'езда. Соотношение сил обоих течений было известно заранее, переубедить друг друга противники не пытались.

[1]) Брат Софьи Андреевны Толстой.

Но внутри большевистской организации подготовка с'езда ознаменовалась рядом инцидентов. Прежде всего, в большевистском центре оказалось два течения: большинство, стоявшее за «дипломатические» резолюции, приемлемые для «националов», и меньшинство, отстаивавшее более резкие формулы. Подробностей борьбы между этими двумя течениями я не помню. Помню лишь, что в большевистских проектах резолюций фигурировали два варианта, — по правде, мало отличавшиеся один от другого. Второй инцидент возник по вопросу о соотношении между фракционно-большевистской и партийной дисциплиной.

Дело началось на конференции петербургских работников большевиков, собравшейся в Терриоках. Ленин делал доклад. Мне трудно было бы восстановить на память политическую часть этого доклада. Но помню, что Ленин упрекал меньшевистский Центральный Комитет за раскольническую политику, за подрыв дисциплины в партии, и энергично требовал восстановления партийного единства.

Получив в ходе прений слово, я поставил вопрос: как согласовать дисциплину внутри фракции с дисциплиной в партии? Если мы с меньшевиками составляем одну партию, нужно сообща искать решения стоящих перед партией вопросов, — только тогда мы сможем дружно проводить найденное решение. Если же, напротив, меньшевики наши враги, и никакое соглашение с ними невозможно, нужно разойтись, образовать две самостоятельные партии и не обманывать рабочих разговорами о партийном единстве. Исходя из этих соображений, я предложил: на предстоящем с'езде решать все вопросы в пленуме, без фракционных совещаний.

Ну и досталось же мне за эту «маниловщину» от товарищей!

Снисходительнее других отнесся к моей «ереси» сам Ленин: он об'яснил мое выступление тем, что я незнаком с обстановкой партийных с'ездов, и выразил свою уверенность,

что на предстоящем с'езде я буду действовать, как приличествует дисциплинированному большевику.

Но возражения товарищей не поколебали моей уверенности в возможности оздоровить партийную жизнь предложенным мною способом. Я твердо стоял на своем, и потому, поблагодарив Ленина за лестное обо мне мнение, заявил:

— Если вы поручите мне представлять на с'езде петербургский организованный пролетариат, я буду выполнять свой мандат, считаясь лишь с партийной дисциплиной и отвергая всякую дисциплину фракции.

Части рабочих большевиков моя позиция понравилась. Но комитетчики почти все были против меня.

Когда пришло время составлять списки кандидатов на с'езд, большевистский центр решил меня в делегаты не пропускать. Решение было принято с мотивировкой, в которой не было для меня ничего обидного и которую я мог бы счесть даже лестной. Большого желания ехать на с'езд и воевать там с товарищами у меня не было. Я принял устранение моей кандидатуры без малейшего неудовольствия и считал, что вопрос этим исчерпан.

Но группа товарищей с Абрамом (Крыленко) во главе запротестовала и решила проводить меня на с'езд, вопреки большевистскому центру и Петербургскому Комитету.

Активного участия в этой кампании я не принимал, и сам в окружном районе лойяльно проводил комитетских кандидатов. Но вместе с тем я знал об этой кампании и косвенно ее поддерживал, предоставляя товарищам выставлять мою индивидуальную кандидатуру против комитетского списка [1]).

Кампания, вообще, была нелепая, так как ни у меня, ни у товарищей, проводивших меня на с'езд, не было никакой особой платформы, отличной от платформы П. К. У меня лично было еще хоть «особое мнение» по вопросу о дисциплине и фракционной политике. А у моих «сторонников» и того не было, было лишь оппозиционное настроение по отношению к центру.

[1]) Если читатель найдет, что в этом было мало логики, спорить не буду.

В конце концов, когда подсчитали голоса во всех районах, оказалось, что за список П. К. подано, если память меня не обманывает, около 4000 гол., а за меня лично, около 3000 гол. Таким образом, я оказался обладателем шести мандатов на с'езд!

Зиновьев, сообщив мне о результатах подсчета, запросил меня, что намерен я делать дальше:

— Вы бесспорно избраны. Но голоса считаются по платформам. Поэтому вы должны либо выставить собственную платформу, либо заявить, что стоите на почве одной из уже об'явленных платформ и передать ей полученные голоса.

Я ответил, что стою на почве большевистской платформы, отказываюсь от мандата и передаю свои 3000 гол. кандидатам П. К. Последовала трогательная сцена возвращения блудного сына в отчий дом большевизма.

На с'езде петербургская организация была представлена чуть ли не 15 большевиками и 6 или 7 меньшевиками.

* * *

Во время предс'ездовской кампании мне пришлось сблизиться с нашей военной организацией, существовавшей при П. К. на правах особого «района». Представителем ее в общегородском комитете был студент Университета Альберт Сапотницкий, — иначе «Алибей». Бритый, всегда в форменной тужурке с иголочки, всегда улыбающийся, с прыгающей, торопливой речью, он производил впечатление мальчика, играющего в революцию.

До апреля я не был лично знаком с ним. Толчком к нашему сближению послужила моя статья «О некоторых особых задачах во второй Государственной Думы», помещенная в 12 № «Пролетария».

№ с этой статьей был почему-то получен в Петербурге с большим опозданием, во второй половине марта. Вскоре после этого Сапотницкий, на явке П. К. (в столовой Технологического Института), передал мне, что военные работники хотят переговорить со мною по поводу затронутых в моей статье вопросов, и тут же познакомил меня с двумя девицами[1]) — Лидией Субботиной и Ниной Морозовой (не помню, под какими кличками он представил мне их). Они рассказали мне, что «сознательные солдаты» заинтересовались моей статьей, так как давно мечтают о том, чтобы сблизиться с с.-д. фракцией Государственной Думы и привлечь ее внимание к вопросам солдатской жизни. Но как это сделать? Я ответил, что лучше всего переговорить об этом с Алексинским.

Сапотницкий возразил, что предпочитает переговорить с Герусом: он человек покладистый, к нему можно обратиться, не опасаясь получить отказ.

Я спросил товарищей, не знают ли они таких происшествий в жизни петербургского гарнизона, которые могли бы послужить основой для запроса в Государственной Думе. Но оказалось, что таких происшествий организация не знает.

В следующие дни, встречаясь с Сапотницким на явке, я не раз справлялся у него, как идут дела в организации. В ответ Сапотницкий жаловался на трудности работы в войсках, на отсутствие квартир для собраний, на усилившиеся строгости в казармах и т. д.

В конце апреля «Алибей» сообщил мне, что военным работникам удалось кое что подготовить, что у них есть в виду вполне надежная квартира, и что теперь можно созвать собрание солдат для обсуждения вопроса об установлении связи с Государственной Думой. При этом он прибавил, что Герус обещал быть на собрании.

[1]) В Петербурге, как и в других местах, в военной организации работали по преимуществу женщины, так как опыт доказал, что им легче удается завязывать знакомство с солдатами, проникать в казарму и т. д.

Russlandhoelle

Собрание состоялось в воскресенье 29 апреля, в Политехническом Институте, в обширной, почти пустой комнате во 2-ом этаже одного из институтских зданий. Солдат присутствовало мало, человек 8 или 10. Среди них я запомнил рослого красавца-казака и матроса.

Сапотницкий об'яснил, что приглашено по одному человеку из каждой части, с которыми у партии имеются связи, и что в данном составе собрание представляет собой «гарнизонный комитет».

Кроме солдат, в собрании участвовали Сапотницкий, Морозова, Субботина, Герус и я.

Центром всеобщего внимания был Герус: солдаты в первый раз видели вблизи члена Государственной Думы, и это настраивало их на торжественный лад.

Открывая собрание, Сапотницкий предложил солдатам доложить товарищу-депутату о положении в войсках и о том, что могла бы сделать Государственная Дума для революционизирования армии.

Начали говорить солдаты. Говорили о тяжелых условиях революционной работы в казарме, о черносотенной агитации, о темноте солдатской массы. Ругали офицеров.

Герус спросил, как относится солдатская масса к Государственной Думе. Солдаты отвечали, что в казарме почти ничего не знают о Думе и мало интересуются ею. Об'ясняли это тем, что в Думе говорят непонятным для солдат языком и при том о вопросах, далеких от солдатской жизни, депутаты же, со своей стороны, не сделали ничего, чтобы добиться доверия солдатской массы.

Герус ответил, что все слышанное произвело на него глубокое впечатление, и что он приложит все усилия к тому, чтобы облегчить работающим в воинских частях товарищам их тяжелую задачу. Он упомянул также, что в Государственную Думу внесен какой то законопроект, касающийся условий солдатской службы, — при обсуждении его с.-д. фракция сумеет поставить вопрос так, чтобы привлечь симпатии солдат к народному представительству.